

— Вот как? И почему тогда ты помнишь, как девчонки с курсов парикмахеров дрались из-за меня? — Чжай Чэнь открыл холодильник и, не обнаружив пива, жестом показал на это Гао Юйшэну.

— А? О чем ты, брат Чэнь? — Чи Сань попытался прикинуться дурачком.

Гао Юйшэн покачал головой, давая понять, что пива в доме нет, и достал для него из винного шкафа бутылку ледяного вина.

— Ладно, — Чжай Чэнь взял бутылку и непринужденно добавил: — Тогда я как-нибудь загляну к тебе на стройку.

Всех экскаваторщиков в округе можно было пересчитать по пальцам, прорабы постоянно общались между собой, да и знакомых у Чжай Чэня хватало — стоило лишь расспросить, и он мигом бы разузнал, где сейчас Чи Сань.

Услышав это, собеседник на том конце наконец струсил и затараторил дрожащим голосом:

— Брат Чэнь, виноват! Язык мой — враг мой, да и руки чесались, где не надо. Я сейчас же все удалю!

К тому времени как они закончили есть хого, слухи о Чжай Чэне в сети окончательно запутались. Тот самый пользователь под ником «Перерою землю на три чи» вдруг пошел на попятную и заявил, что обознался. Кто-то предполагал, что ему угрожали, кто-то ругал его за вранье и попытку свести личные счеты, чтобы насолить первому красавцу школы, — словом, судачили о разном.

Внимание пользователей постепенно переключилось на поиски ребенка. По расчетам Гао Юйшэна, уже к завтрашнему дню интерес к Чжай Чэню должен был пойти на спад. Однако отец Яояо внезапно опубликовал пост об исчезновении дочери, снова подставив детский сад под удар общественности.

«Оптово-розничная продажа мохнатоногих крабов: Моя дочь Сяо Яо тоже ходила в этот детский сад и тоже пропала. Пожалуйста, обратите на нас внимание». К посту прилагалась фотография Яояо.

Два пропавших ребенка из одного детского сада всего за три дня — это выглядело слишком подозрительно. Пользователи сети заинтересовались еще сильнее, к тому же отец Яояо запустил розыгрыш крабов за репост.

— Может, мне стоит подписать контракт с агентством и дебютировать в центре группы? — усмехнулся Чжай Чэнь. — Посмотри на меня, я же ходячий генератор трафика.

Гао Юйшэн промолчал.

Пока они разговаривали, позвонила мама Яояо. Хриплым от слез голосом она принялась извиняться перед Чжай Чэнем:

— Простите, учитель Чжай. Я не думала, что мой бывший муж опубликует нечто подобное. Я сейчас же все проясню. Но у того поста уже так много репостов... можно его пока не удалять?

Ее дочь пропала без вести, и несчастная мать каждую секунду мучилась от неизвестности. Пусть этот способ привлечь внимание и был неправильным, ей было жалко удалять

публикацию с таким огромным охватом. Вдруг среди сотен тысяч прочитавших найдется тот, у кого есть хоть какая-то зацепка?

— Ничего страшного, сейчас главное — найти ребенка, — ответил Чжай Чэнь. — Но передайте, пожалуйста, вашему бывшему мужу, чтобы он не разглашал мои личные данные. Когда все закончится, я подам в суд на тех, кто меня оклеветал.

Поскольку Чжай Чэнь уже волей-неволей стал популярной персоной, шумиха его не пугала, он лишь не хотел лишней огласки. В конце концов, сам он был особенным — маленьким монстром, которого товарищ Чжай Цзяньго скрывал от чужих глаз ценой колоссальных усилий.

Мама Яояо с благодарностью согласилась и тут же сделала репост записи отца Яояо, опубликовав опровержение:

«Я мама Сяо Яо. Ребенок пропал в торговом центре «Ваньмин», детский сад здесь ни при чем». К записи она прикрепила составленное ранее объявление о розыске, где были указаны точное время и место исчезновения.

Отложив телефон и решив больше не следить за ядовитыми спорами в комментариях, Чжай Чэнь сполна ощутил всю тяжесть бремени интернет-звезды. Он повернулся к сидевшему рядом Гао Юйшэну.

Генеральный директор Гао по-прежнему сохранял олимпийское спокойствие. Он неторопливо листал распечатанные на листах А4 материалы.

И что только пережил этот парень, чтобы из вечного плаксы превратиться в дзен-буддийского мастера, отрешенного от мирской суеты? Ему разве что бритого черепа да шрамов от благовоний на лбу не хватало.

— Не обращай внимания на то, что пишут в сети. Девяносто процентов из этого — ложь, — внезапно нарушил молчание Гао Юйшэн.

— А? — Чжай Чэнь, который в этот момент переключал каналы, с подозрением покосился на него. Он же вроде читал документы компании, с чего вдруг заговорил об этом? Чжай Чэнь придвинулся поближе и заглянул в бумаги.

1. Окончил профессионально-техническое училище по специальности «машинист экскаватора».
2. Девушки с курсов парикмахерского искусства устроили из-за него массовую драку.
3. Регулярно издевается над детьми в детском саду.
4. Ворует из детского сада булочки и уносит домой.
5. Встречался с десятком девушек, каждая из которых принадлежала к разным этносам, стремясь собрать коллекцию из всех пятидесяти шести народностей Китая.

...

Все это были гулявшие по сети слухи о Чжай Чэне, бережно собранные и систематизированные. К каждому пункту прилагались источник и количество лайков — целых три страницы текста, и ни одна сплетня не повторялась.

Чжай Чэнь мысленно взял свои слова назад. Какой, к черту, мудрец? Настоящий демон во плоти! Ну кто станет собирать компромат на собственного названного брата, распечатывать, сшивать, да еще и подчеркивать ключевые моменты!

— Я просто хотел узнать, как ты жил все эти годы, — с самым невозмутимым видом произнес Гао Юйшэн, мужественно выдерживая взгляд названного брата, обещавший скорую расправу.

— Вранье, ты просто хочешь надо мной посмеяться! — На этот раз Чжай Чэнь не собирался попадаться на его удочку. Хотел узнать — мог бы просто спросить, зачем читать подобную чушь? Он обхватил Гао Юйшэна за шею, повалил на диван и принялся в шутку крутить кулаком у него на макушке: — А ну говори, приготовил это, чтобы потом подкалывать меня?

— Нет... — Гао Юйшэн попытался вырваться, но не сдержался и тихо рассмеялся.

«И в свирепый ветер, и в проливной дождь я буду ждать тебя на прежнем месте, я буду стоять на перекрестке дорог...»

Пока они дурачились, из телевизора полилась сентиментальная музыка, и глаза Чжай Чэня загорелись. Он заранее разузнал время трансляции выпуска передачи «В дождь и ветер ждать добрых вестей» с участием Гао Юйшэна и специально настроил телевизор на нужный канал. Изначально он хотел просто подразнить его, но теперь решил пойти дальше и в наказание заставить смотреть вместе с ним.

При виде первых кадров у Гао Юйшэна мгновенно покраснели кончики ушей. Он попытался подняться, но стальная рука Чжай Чэня намертво удерживала его. Повернув голову, он увидел, как Чжай Чэнь безмятежно делает вдох из кислородного баллончика:

— Будь хорошим мальчиком. Раз уж ты отложил работу, давай вместе посмотрим телевизор.

Генеральному директору Гао, которому совершенно не хотелось смотреть передачу со своим участием, пришлось досмотреть ее до конца, лежа на коленях названного брата.

Смотреть смонтированную передачу по телевизору оказалось совсем не то же самое, что присутствовать на съемках. Все неловкие моменты вырезали, а благодаря наложенной музыке и спецэффектам шоу получилось на удивление трогательным.

На экране Гао Юйшэн в дорогом костюме и рубашке выглядел статным, благородным юношей с безупречными манерами — настоящим молодым господином из высшего общества. И когда этот красивый молодой человек с абсолютно спокойным лицом рассказывал о пережитых в детстве лишениях, это вызывало невольную волну сочувствия и праведного гнева.

Разбить обычную глиняную плошку и уничтожить шедевр тончайшего фарфора — вещи совершенно разные. Зрелище маленького принца, брошенного в грязь на растерзание судьбе, ранило гораздо сильнее, чем сам факт похищения.

— Долгое время брат был для меня всем. Я искал его повсюду, но никак не мог найти. Порой я даже начинал сомневаться... — На этих словах экранный Гао Юйшэн внезапно замолчал. Редакторы вывели продолжение его фразы на экран в виде субтитров:

«Порой я даже сомневался: неужели такой человек действительно существовал и так сильно любил меня?»

Кадр сменился видом величественных гор, зазвучала тоскливая мелодия глиняной флейты-

сюнь, заставив зрителей у экранов прослезиться. Улыбка на лице Чжай Чэня медленно угасла.

— Когда ты вернулся в семью Гао... они плохо с тобой обращались?

— Ты ведь сам все видел, — ответил Гао Юйшэн.

Будь на месте Чжай Чэня кто-то другой, он ни за что не стал бы откровенничать. Но перед ним был Чжай Чэнь, и Гао Юйшэн сознательно бередил свои раны, чтобы показать их ему... и удержать рядом.

Чжай Чэнь нахмурился, подтянул его повыше и, точно лаская маленького зверька, прижался своей головой к его:

— Теперь о тебе позаботится брат.

У Гао Юйшэна перехватило дыхание, его кадык судорожно дернулся. Лишь мгновение спустя он тихо, с трудом сдерживая эмоции, отозвался:

— Угу.

После выхода передачи в эфир образ Гао Юйшэна в глазах общественности мгновенно изменился. Из типичного богатого наследника и властного босса он превратился в настрадавшегося, но восставшего из пепла маленького принца. Армия поклонниц, которые еще вчера наперебой звали его своим «мужем», резко сменили тон.

«Боже, наш Шэншэн пережил такое кошмарное детство!»

«У-у-у, как же его жалко, иди скорее к мамочке на ручки!»

Поскольку в конце передачи прозвучала реклама, Карта «Пунктир» по заранее намеченному плану сразу после эфира запустила промокампанию новой функции поиска людей и вещей. На фоне бурных обсуждений похищений детей эта реклама пришлась как нельзя кстати.

Официальный пост с рекламой и ссылкой на скачивание приложения в один миг набрал десятки тысяч репостов.

«То, что Карта «Пунктир» делает такие проекты бесплатно, доказывает, что это действительно честное и полезное приложение».

«В прошлый раз наслушалась слухов и удалила приложение. Прошу прощения, сейчас же скачиваю обратно».

«Рыдаю навзрыд, особенно после просмотра передачи. Наш Шэншэн создал эту карту только для того, чтобы найти брата! Вот почему он добавил функцию поиска пропавших детей».

«От этих мыслей сердце разрывается. Брат Синсин, где же ты? Пожалуйста, отзовись!»

В этот самый момент брат Синсин лежал на кровати Шэншэна и, повернувшись к нему спиной, листал ленту в телефоне. Глядя на эти комментарии, он невольно погрузился в воспоминания о событиях последних дней.